

А. Р. МУРАВЬЕВА

ПРОБЛЕМА ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «ДЕВЯТОЙ» САТИРЫ А. Д. КАНТЕМИРА

В изучении творчества Кантемира в последнее время особое внимание привлекла так называемая «девятая» сатира, не включенная автором в подготовленный к печати сборник его произведений и ставшая известной лишь во второй половине XIX века, когда она была впервые опубликована Н. С. Тихонравовым.¹ Сатира эта была обнаружена издателем в рукописном сборнике, ныне находящемся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) (шифр: 0.XIV.2; ранее он входил в состав библиотеки графа Ф. А. Толстого). Н. С. Тихонравов не указывает ни состава сборника, ни даты составления его и мимоходом замечает, что «переписчик был, вероятно, мало-росс».²

¹ Н. С. Тихонравов. Неизданная сатира кн. А. Д. Кантемира. «Библиографические записки», 1858, № 3, столб. 65—74 (столб. 65—69: вводная статья, столб. 69—74: «На состояние света сего. К Солнцу»).

² Там же. столб. 68—69. Все эти сведения имеются в «Обстоятельном описании славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке графа Федора Андреевича Толстова» К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева (М., 1825, стр. 691—696). Сборник составлен в 1751 г. неким Климентом Борковским (не одно ли лицо с Константином Борковским, о котором см.: С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей и ученых, т. I. СПб., 1900, стр. 321); в сборнике находятся «шесть сатир князя Антиоха Кантемира, с предисловиями и объяснительными примечаниями, при посвянительной „Речи“ императрице Анне Иоанновне, 1733 года июня 2», трагедо-комедия «Владимир» Феофана Прокоповича, его же «Эпипикион», стихи Стефана Яворского, ряд киевских школьных драм, «Гамлет» и «Две эпистолы» Сумарокова, произведения Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Ивана Голенинского, латинская «Похвальная песнь» проф. Хр. Крузиуса и др. Видно, что сборник составлялся украинцем, внимательно следившим за современной ему литературой Москвы, Петербурга и Киева. К. Ф. Калайдович и П. М. Строев, описывавшие библиотеку Ф. А. Толстого, не отметили, что «шестая» сатира Кантемира, вопреки указанию в приведенном выше описании, не имеет ни предисловия, ни примечаний. *Прим. ред.*

В настоящее время сатира известна в четырех мало отличающихся друг от друга списках, но лишь в одном из них³ (см. ниже) имеется «Изъяснение».

До недавнего времени считалось, что и текст сатиры, и «Изъяснение» к ней принадлежат А. Д. Кантемиру. Работ, обосновывающих авторство его, не существует, вероятно, по той простой причине, что ни у кого из исследователей даже не возникало сомнений на этот счет.

В недавно защищенной С. В. Калачевой диссертации «Сатиры А. Д. Кантемира» (1953) впервые была поставлена под сомнение традиционная точка зрения. Исследовательница выдвинула гипотезу о том, что сатира «На состояние света сего. К Солнцу» написана анонимным поэтом XVIII века, знакомым с сатирами Кантемира. В подтверждение своей точки зрения С. В. Калачева привела ряд соображений: 1) отсутствие данной сатиры в сборниках Кантемира, подготовленных им к печати; 2) немногочисленность списков сатиры; 3) наличие «Изъяснения» лишь в одном списке из четырех; 4) некантемировский характер «Изъяснения» и ряд пунктов в нем и в тексте сатиры, противоречащих биографии Кантемира; 5) иное миропонимание, чем у Кантемира, иной круг интересов автора; 6) художественная слабость сатиры в сравнении с произведениями Кантемира и несоответствие ее с правилами стихосложения, выдвинутыми Кантемиром и применявшимися им в заграничный период его жизни.

Хотя аргументация С. В. Калачевой в целом недостаточна для обоснования окончательных выводов, а во многом и спорна, есть в ней, однако, пункты, с которыми невозможно не согласиться. Несомненная заслуга этой работы состоит в том, что она заставляет осторожнее и внимательнее отнестись к вопросу о принадлежности Кантемиру сатиры «К Солнцу», чем это делалось до сих пор.

Характерно, что в последних работах о Кантемире «девятая» сатира, как ее условно принято сейчас называть, обходится молчанием. Исследователи ограничиваются замечанием, что вопрос об авторе этой сатиры не выяснен окончательно.⁴

Однако Э. И. Гершкович, много и плодотворно занимающийся изучением творчества Кантемира, считает это произведение бесспорно принадлежащим перу сатирика, не приводя, впрочем, никаких для этого доказательств. Сатире «К Солнцу» он посвятил

³ ГПБ. ОХVII.207.

⁴ Ф. Я. Прийма. А. Д. Кантемир. В кн.: Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. «Советский писатель», Л., 1956, стр. 32—33 (В дальнейшем: Кантемир. Собрание стихотворений, стр.); К. В. Пигарев. Кантемир. В кн.: История русской литературы. Т. I. Литература X—XVIII вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 414.

статью,⁵ на которой мы подробнее остановимся в дальнейшем. Исследователь считает интересующее нас произведение одним из тех, которые составляют высшее достижение Кантемира как сатирика. Самый факт создания Кантемиром сатиры «К Солнцу», по мнению исследователя, уже дает право говорить о его эволюции влево в заграничный период его жизни.

Наличие столь противоположных точек зрения в оценке сатиры — от признания ее самой острой и разящей из всех сатир Кантемира до заявления, что для него создание такого произведения явилось бы страшным идейным и художественным спадом — делает вопрос об ее авторе крайне существенным и актуальным. Для решения его прежде всего необходимо изучить рукописную историю («традицию») этой сатиры, обратившись к сборникам, в составе которых она до нас дошла. Нужно принять во внимание и реальные события, о которых говорится в данном произведении, чтобы сравнить трактовку их автором сатиры «К Солнцу» с известным нам отношением к ним Кантемира. Важно установить, согласуется ли написание сатиры с фактами биографии Кантемира. В особенности же заслуживает внимания отношение автора «девятой» сатиры к таким проблемам, которые всегда оставались первостепенными у Кантемира и решение которых в сатире «К Солнцу» мы можем сопоставить с решением их в творчестве Кантемира: это — проблемы религии, отношения к науке, ее роли в общественной жизни и, в частности, роли Академии наук; это — постановка и решение важнейшего философского вопроса того времени: в чем причина злонравия и существует ли путь искоренения злых страстей. Наконец, необходимо остановиться и на художественной стороне этого произведения.

Очень важен вопрос о составе сборника, в котором находится данная сатира с «Изъяснением». Сборник этот не рассматривался исследователями, поскольку они считали его утерянным. Однако, как оказалось, он сохранился и находится в рукописном отделе ГПБ в Ленинграде под шифром О.XVII.207. Состав этого сборника очень интересен и дает некоторые новые материалы для постановки вопроса о «девятой» сатире.

С момента опубликования сатиры «К Солнцу» исследователей занимает вопрос о ее датировке. Большинство из них считало и продолжает считать, что сатира написана Кантемиром перед самым отъездом его за границу, о чем говорит соседство ее с пятью «русскими» сатирами в первоначальной редакции, а также бли-

⁵ З. И. Гершкович. К вопросу об эволюции мировоззрения и творчества А. Д. Кантемира. (Проблема «девятой» сатиры). «XVIII век». Сборник 3. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 44—64. (В дальнейшем: З. И. Гершкович. Проблема «девятой» сатиры).

зость ее к ним и по стилю и по тематике, т. е. что создание сатиры относится к 1731 году. Основоположителем такой точки зрения был В. Я. Стоюнин.⁶

Не была изменена датировка и после обнаружения С. Н. Брайловским другого экземпляра текста «девятой» сатиры с «Изъяснением», в котором сам автор указывал, что произведение написано им в конце июля 1738 года.⁷

Вопрос о датировке «девятой» сатиры окончательно решен З. И. Гершковичем в упомянутой статье. Он приводит убедительные доказательства, что сатира написана в конце июля 1738 года. Исследователь обратил внимание на то, что, помимо прямого указания на эту дату в «Изъяснении», в сатире говорится о реальном событии, происшедшем в середине июля 1738 года, — о казни капитана А. Возницына за принятие иудейской веры, что и соответствует свидетельству сатирика — «сожгли недавно».⁸

О написании сатиры именно в июле 1738 года свидетельствует также следующее обстоятельство. В сатире есть место, относящееся к Академии наук:

Вон дивись, как учений заводят заводы:
Строят безмерным коштом тут палаты славны,
Славят, что учения будут тамо главны;...
Пишут печатные весты:
«Вот завтра учения высоки зачнутся,
Вот уж и учителя заморски сберутся...».⁹

В «С.-Петербургских ведомостях» с начала лета 1738 года помещались сообщения о больших работах по перестройке здания Академии наук; задолго до начала занятий было объявлено о курсах лекций, которые начнутся 1 июня 1738 года, были названы и имена профессоров, намеревающихся читать лекции, и почти все они были иностранцы. Как видно, их и имел в виду автор сатиры, говоря «учители заморски». Интересно и такое сообщение: «...понеже многие чужестранные и здешние персоны желают в Императорской Академии Наук лекции математического курса слушать, того ради профессор Геинзиус завтра, т. е. 13 июня их начинает».¹⁰

⁶ В статье З. И. Гершковича «Проблема „девятой“ сатиры» очень подробно рассмотрен вопрос о подходе к датировке этого произведения разными исследователями.

⁷ С. Н. Брайловский. IX сатира А. Д. Кантемира по вновь найденному списку. «Журнал Министерства народного просвещения», 1892, № 7, стр. 67—80.

⁸ З. И. Гершкович. Проблема «девятой» сатиры, стр. 50.

⁹ Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 184.

¹⁰ «С.-Петербургские ведомости», 1738, 12 июня, № 47, стр. 374—375.

Несомненно, автор «девятой» сатиры был знаком с сообщениями в газетах, и указанные совпадения не случайны. Вероятно даже, что он мог оказаться слушателем этих лекций.

Все это еще раз подтверждает правильность датировки, предложенной З. И. Гершковичем. Однако все остальное в его статье вызывает возражения. Исследователь с самого начала бездоказательно принимает положение об авторстве Кантемира, включает названную сатиру в творчество поэта, в соответствии с этим объясняет появление ее списков в России, и наконец, выдвигает гипотезу о существовании двух вариантов сатиры — с «Изъяснением» и без него. З. И. Гершкович полагает, что сатира «К Солнцу» и есть та «девятая», о которой упоминает аббат О. Гуаско, биограф Кантемира. Насколько справедлива данная концепция и как она соотносится с биографией и творчеством Кантемира, будет показано ниже.

Прежде всего необходимо остановиться на рукописной истории сатиры «К Солнцу». Особенно интересны в этом отношении два сборника, содержащие ее текст: один из них — известный Н. С. Тихонравову, обнаружившему и опубликовавшему ее (в дальнейшем обозначается «сборник Тихонравова»); другой — условно называемый нами «сборник С. Н. Брайловского», где находится единственный список сатиры с «Изъяснением».

«Сборник Тихонравова» содержит произведения, написанные не позднее 1751 года. Начинается он со стихотворной речи Кантемира, обращенной к Анне Иоанновне. Затем следуют пять сатир Кантемира, каждая из которых сопровождается «Изъяснением» и каждой из которых предпослано «Сказание о сложении сатиры». После пяти сатир была начата басня Кантемира «Огонь и восковая статуя», но перечеркнута, и после эпиграммы об Эзопе идет под заглавием «Сатира шестая» текст сатиры «К Солнцу», однако она резко выделяется среди остальных полным отсутствием каких-либо авторских пояснений. Важно заметить, что в каждом «Сказании» указано время написания сатиры, чем определяется связь ее с остальными. Так, например, Кантемир находит нужным подчеркнуть, что на написание пятой сатиры он употребил время, оставшееся до отъезда за границу, «чтоб между тем не потерять несколько дней напрасно». Это свидетельство самого Кантемира; поэтому допустить, что он является автором и этой «шестой сатиры» и что она написана им также в 1731 году лишь на том основании, что следовала за пятью его сатирами в первоначальной редакции и внешне имела некоторое сходство с ними, невозможно. Сборник не подтверждает авторства Кантемира: таким же образом собраны и пронумерованы оды разных писателей, имена которых не всегда указаны.

Еще больший интерес представляет «сборник Брайловского». Сатира «На состояние света сего. К Солнцу», имеющая при себе «Изъяснение», также не содержала никаких указаний на принадлежность ее Кантемиру. В сборнике нет никаких художественных произведений, кроме интересующей нас сатиры. В нем собраны образцы писем на разные случаи, и хотя, как видно из их содержания, все это письма реальных лиц, они специально приспособлены для того, чтобы служить примерами правильно оформленных писем. Адресаты и подписи заменены буквами, только изредка в тексте письма встречаются имена Ф. Прокоповича, князя А. М. Черкасского и некоторых других лиц. Часть писем принадлежит воспитанникам семинарии, устроенной Ф. Прокоповичем в Петербурге на Карповке. На это указывает упоминание в одном из писем о Ф. Прокоповиче, который назван учителем. Воспитанники семинарии обращаются к А. М. Черкасскому с просьбой устроить их в Академию наук для продолжения образования, так как после смерти их учителя и наставника Ф. Прокоповича они не могут сами устроить свою судьбу. Письмо можно датировать временем после 1736 года, ибо в нем говорится уже о том, как изменилось к худшему положение учеников Феофана Прокоповича после его смерти, последовавшей 8 сентября 1736 года.

Не только это, но и ряд других писем указывают на то, что их авторы — люди образованные и стремящиеся к науке, которую они надеялись найти в академическом университете. Невольно вспоминается отрывок из сатиры «К Солнцу», где описывается состояние науки в Академии, разочаровавшее тех, кто стремился найти в ней удовлетворение своих умственных интересов:

Иной бедный, кто сердцем учиться желает,
Всем силам к тому скоро поспешает,
А пришел — комплиментов увидит немало,
Высоких же наук там стены не бывало.

Среди корреспондентов «сборника Брайловского» были и поэты. Примечательна строка из переписки двух братьев, один из которых пишет из Петербурга другому в Малороссию: «Ныне в гостинец вам посылаю новый немецкий календарь и стихи, которые я поднести имел счастье».

Все эти письма, как и «девятая» сатира, помещенная в сборнике, анонимны. Было бы существенно установить их авторов и их адресаты, что несомненно могло бы дать новые сведения и о сатире «К Солнцу».

Мы рассмотрели два доступных нам и, как можно судить по литературе, самых интересных сборника, содержащих «девятую» сатиру. Оснований для признания автором Кантемира в них нет, скорее, они содержат данные для отвода его авторства.

По году создания сатиры З. И. Гершкович определяет и порядковый номер ее; она должна была бы считаться седьмой, но, не желая вносить путаницы в авторскую нумерацию, исследователь предлагает обозначать ее «так называемой девятой».

Странная история этого произведения заставляет З. И. Гершковича остановиться на некоторых пунктах, вызывающих недоумение. «Чем можно объяснить тот факт, что так называемая девятая сатира, созданная за границей, в тех редких случаях, когда она попадает в рукописных сборниках, обязательно соседствует с пятью русскими сатирами в первоначальной редакции (вследствие чего «преписатели» даже именовали ее шестой)?». ¹¹ Ставит он еще один вопрос: почему из пятидесяти сборников, содержащих произведения Кантемира, упомянутая сатира встречается всего лишь в трех?

Ответы на эти вопросы З. И. Гершкович находит в «Изъяснении» к сатире. Приводим соответствующую часть «Изъяснения»: «Совершив он сю сатиру, с покорнейшим своим прошением вручил оную одному из чистосердечных и весьма доброжелательных приятелей своих к исправлению, не довольствуясь, по обычаю безмозглых, но весьма высокоумительных в себе голов, своим скудным рассуждением». Автор статьи чисто субъективно толкует это место «Изъяснения», приспособляя его к фактам биографии Кантемира. Поэтому «приятеля» он ищет не за границей, а в России, а слово «вручил» предлагает понимать более широко, как «переслал», а не «передал из рук в руки». Найдя способ объяснить появление сатиры в России, исследователь считает возможным объяснить и немногочисленность списков ее, и соседство с русскими сатирами в первоначальной редакции тем, что новая сатира, присланная «приятелю», могла стать известной лишь немногим его знакомым, которые переписывали ее вслед за пятью известными, соответственно именуя ее шестой. Такая трактовка не может считаться удовлетворительной, ибо в «Изъяснении» нет ни одного факта или намека на то, что произведение писано за границей, а затем переслано приятелю для распространения. Кантемир же обычно указывал и время, и место создания сатиры, в особенности «заграничной» (единственным исключением является VI сатира).

Внешне «Изъяснение» написано в манере Кантемира с указанием на время создания произведения, определением содержания и выделением основной причины, побудившей автора взяться за перо. И все же в тексте «Изъяснения» ощущается нечто несвойственное Кантемиру. В самом деле, зачем понадобилось ему

¹¹ З. И. Гершкович. Проблема «девятой» сатиры, стр. 53. Отметим, что автору не был известен «сборник Брайловского», где пяти «русских» сатир нет. *Прим. ред.*

упрекать других стихотворцев за то, что они довольствуются своим «скудным рассуждением», а не отдают свои стихи на исправление другим. При всей хорошо известной авторской скромности Кантемира такая манера выражаться была чужда ему.

Незачем истолковывать слово «вручил», как делает З. И. Гершкович, в более широком смысле, чем оно имеет на самом деле, когда очевидно, что сатирик отдал свой труд, а не переслал изда-лека: такую существенную подробность автор, конечно, отметил бы. Совершенно ясно и другое: если в «Изъяснении» уже говорится о приятеле, которому была отдана сатира на исправление, то, значит, перед нами вторая редакция, сделанная с учетом замечаний приятеля. В этом случае в России могли быть две редакции сатиры: первоначальная и исправленная. Именно такой вывод и делает З. И. Гершкович: «Известные нам стихи сатиры могут иметь два различных источника. Один — это указанный уже текст, посланный приятелю и лишенный примечаний; другой — текст, попавший в Россию позднее первого и снабженный, как и все сатиры, соответствующим „Изъяснением“». ¹² В соответствии со своим заключением исследователь и находит два источника сатиры: список, обнаруженный Н. С. Тихонравовым, — первая редакция и остальные списки — вторая. Однако факты говорят о другом. Сравнение списков Н. С. Тихонравова и С. Н. Брайловского, в которых З. И. Гершкович предлагает видеть два разных источника, показывает, что сколько-нибудь серьезных различий между ними нет. Разночтения проявляются в написании отдельных слов, а не в изменениях текста сатиры. Приведем пример. В списке Н. С. Тихонравова ни сам он, ни П. А. Ефремов, более точно напечатавший текст сатиры по тому же списку, не могли разобрать место, которое при правильном прочтении таково:

А то б я купил книгу, котору не знаю
Какой пустынный писал, да Семик быть чаю.

Выделенные курсивом слова прочесть было очень трудно, и П. А. Ефремов делает сноску, поставив вместо этих непонятных слов многоточие: «Другая половина стиха в рукописи искажена; хотя прочесть и можно, но трудно добраться смысла: да семинь выць чаю. (Может быть, «да Семень быть чаю». Не Семен ли Денисов?)». ¹³ Между тем оказывается, что и в списке, обнаруженном Ф. Я. Шоломом, это место воспроизведено неправильно, т. е. либо один текст списывался с другого, либо оба они восходят к какому-то ближайшему списку, уже имевшему данную порчу текста. Список сатиры, обнаруженный Ф. Я. Шоломом в библиотеке

¹² З. И. Гершкович. Проблема «девятой» сатиры, стр. 54.

¹³ А. Д. Кантемир, Собрание сочинений, т. I. СПб., 1867, стр. 179.

АН УССР в Киеве, почти полностью совпадает со списком Н. С. Тихонравова. А что список сатиры, упоминаемый Т. М. Глаголевой, не расходится со списками Шолома и Брайловского, З. И. Гершкович признает.

Итак, двух источников сатиры не существует. И не странно ли предполагать, что Кантемир, посылая вторую редакцию сатиры, не изменил ничего в тексте ее, т. е. не учел замечаний приятеля, уподобившись «безмозглым, но высокоумительным в себе головам», а добавил только «Изъяснение»? И почему сначала он прислал сатиру без «Изъяснения», если всегда примечания писались им одновременно с сатирами? Трудно допустить, что после 1738 года, когда Кантемир уже перерабатывал свои ранние сатиры, он мог признать текст «девятой» сатиры законченным.

Если даже считать, что в конце июля 1738 года сатира была завершена, хотя этому противоречат факты, о которых упоминается в самом произведении (о них мы скажем ниже), то, учитывая чрезмерную занятость Кантемира именно в это время дипломатическими делами в связи с предстоявшим переездом из Англии во Францию, а также принимая во внимание хлопоты о пересылке в Россию «девятой» сатиры, получение ее обратно с замечаниями приятеля и окончательная обработка ее после этого по необходимости должны быть отодвинуты ко времени составления Кантемиром сборника для печати, т. е. к 1740 году.

Предположение З. И. Гершковича, что упоминаемая Гзаско незаконченная девятая сатира и сатира «На состояние света сего. К Солнцу» идентичны, вызывает такого рода недоумение: с одной стороны, исследователь считает, что сатира закончена была в июле 1738 года и спустя некоторое время отредактирована Кантемиром и подготовлена к печати; с другой стороны, он допускает, «что Кантемир действительно незадолго перед смертью после отправки в Россию в марте 1743 года сборника, состоящего из восьми сатир, принялся за работу над „девятой“ сатирой, но работа эта состояла не в создании новой сатиры, а в переработке старой, имеющей законченный текст сатиры».¹⁴

Как можно объяснить то обстоятельство, что к 1743 году оказались законченными и были построены по новым правилам кантемировского стихосложения все восемь сатир, написанные и до июля 1738 года и после, а «девятая» сатира даже в 1743 году была «незаконченной из-за предсмертной болезни» и ее стихосложение осталось таким же, как в первоначальной редакции первых пяти сатир 1729—1731 годов, что для Кантемира уже в 1738 году было бы страшным анахронизмом? Нужно принять во внимание, что теоретическое обоснование нового принципа стихосложения,

¹⁴ З. И. Гершкович. Проблема «девятой» сатиры, стр. 59.

которое вылилось в «Письмо Харитона Макетина», было результатом долгого наблюдения над стихом; именно от своей практической работы Кантемир восходил к обобщениям.

Затем достоверно известно, что Кантемир приступил к созданию своей подлинно девятой сатиры (а не «девятой» в кавычках) в конце жизни. Об этом О. Гуаско — не только биограф Кантемира, но и очень близкий друг его — говорит следующее: «От него осталось восемь сатир; в последний год своей жизни он начал писать девятую; то, что он рассказывал мне о ней, заставляет меня сожалеть о том, что я не могу присоединить ее к прочим. В ней можно было бы видеть, в чем, по его мнению, состоит философский дух; многие мнимые философы могли бы по ней убедиться, насколько далеки они от цели, но, к несчастью, болезнь не дала ему возможности довести ее до конца».¹⁵ Отсюда следует, что в начатой сатире должно было отразиться кантемировское понимание сути философии.

Что девятой, о которой говорил О. Гуаско, является сатира «К Солнцу», Э. И. Гершкович доказывает якобы одинаковостью их темы. Философская концепция Кантемира, по мнению исследователя, отразилась и в оценке состояния «сего света», и в сатирической галерее образов, ибо «трудно представить себе какую-либо иную форму выражения взгляда на „дух философский“, если принять во внимание, что этот взгляд должен был быть изложен в жанре сатиры».

Однако по тематике эти две сатиры в корне разнятся между собой, как будет показано ниже.

Указанными материалами не исчерпываются законные сомнения в авторстве Кантемира. Особого, более подробного рассмотрения заслуживает то место в «девятой» сатире, где речь идет о казни А. Возницына. С. В. Калачева, выступившая с возражениями против точки зрения Э. И. Гершковича, ставит вопрос: «Каким образом Кантемир мог узнать об этой казни так быстро, чтобы через две недели уже откликнуться на нее в сатире? Судя по реляциям сатирика-дипломата, русские письма доходили до него приблизительно через месяц». Недоумение это — вполне резонно, однако Э. И. Гершкович, знавший диссертацию С. В. Калачевой, ограничился в своей статье всего только замечанием, что «в пользу (своего) предположения С. В. Калачева не привела никаких фактов, ссылаясь исключительно на субъективные представления...

¹⁵ Nous en avons Huit de lui: il en avoit commencé une neuvième, la dernière année de sa vie: ce qu'il m'en avoit dit, me fait regretter de n'avoir pû la joindre aux autres. On y auroit vû en quoi il faisoit consister l'esprit philosophique: et beaucoup de pretendus philosophes y auroient pû reconnoître, combien ils sont éloignes du but: mais par malheur la maladie ne lui permit pas de l'achever. Э. И. Гершкович. Проблема «девятой» сатиры, стр. 56

Поэтому считаем ее мнение необоснованным». Упрек, предъявленный С. В. Калачевой со стороны автора статьи, в том, что она «не учла всех данных, подтверждающих авторство Кантемира», можно отнести к самому Э. И. Гершковичу, который обошел спорные вопросы, заставляющие сомневаться в принадлежности сатиры «К Солнцу» перу Кантемира. И прежде всего это касается вопроса, как мог Кантемир, находившийся в Лондоне, еще в июле узнать о событии, происшедшем в Петербурге 15 июля, и ответить на него сатирой.

Приходится поэтому более подробно остановиться на деле о казни Возницына. Сожжение двух человек во второй трети XVIII века было необычным событием в Европе, и вполне вероятно, что о нем обязательно сообщили бы Кантемиру его петербургские корреспонденты как одну из новостей. И пусть не через две недели, а позже до него дошло бы это известие. Но, во-первых, создатель сатиры «К Солнцу» очень точен, когда дело касается датировки: если он говорит «в середине июля», то это значит 15 июля; следовательно, можно с безусловностью утверждать, что сатира написана именно в последних числах июля, а не позже. Совершенно очевидно, что за один-два дня Кантемир не мог написать сатиру, а узнать о казни Возницына через две недели после этого события он мог лишь при самых благоприятных условиях, допустить которые было бы большой натяжкой. Скорее всего Кантемир вообще не знал о казни, потому что среди его писем нет чамеков на это; не сообщалось о казни и в петербургских газетах на русском и немецком языках, нет упоминаний о ней и в донесениях английских представителей при русском дворе. Как видно, русское правительство не было заинтересовано в широкой огласке данного дела. Это подтверждается ходом следствия. Сенат пытался доказать императрице необходимость продолжения следствия с тем, чтобы выявить сообщников Б. Лейбова, который обратил в иудейскую веру капитана А. Возницына. Однако Анна Иоанновна требовала как можно скорее закончить следствие, «дабы сие богопротивное дело далее не продолжалось... без дальнего продолжения, по силе государственных прав, обоих казнить смертию, сжечь».¹⁶

Комментируя это место, И. Ю. Маркон¹⁷ объясняет и причину внезапного прекращения розыска. В ходе следствия выяснилось, что подсудимый Б. Лейбов был непосредственно подчинен Л. Липману, придворному банкиру Бирона; старый Лейбов мог не выдержать пыток и рассказать о коммерческих проделках своих хозяев. Надо полагать, что были приняты соответствующие меры,

¹⁶ И. Ю. Маркон. Дело о сожжении отставного морского флота капитана поручика Возницына за отпадение в еврейскую веру и Б. Лейбова за соращение его. Сб. «Пережитое», т. 2, СПб., 1910. Приложение, стр. 8.

¹⁷ Там же.

чтобы замаять это дело. Вероятно поэтому, ничего не знал о нем и Кантемир. Как известно, сатирика подозревали в существовании у него переписки о внутренних политических событиях в России,¹⁸ и письма его часто перлюстрировались.

Между тем из сатиры и «Изыяснения» к ней следует, что автор не только знал о судьбе отступника от православной веры, но и видел отношение к нему со стороны реакционеров, которые воспользовались этим случаем, чтобы доказать ненужность и опасность для христиан чтения библии. Поэтому автор сатиры подробно останавливается на защите библии. Сожжение Возницына дало «безмозгим невеждам немалую причину сомневаться о библии, когда они слышат, что жида ветхого закона держатся», — говорит автор и возмущается такой несправедливостью: «О, как безумные и дерзкие невежды! Причина ли библия святая диавольского того орудия погибели?».¹⁹

Казнь Возницына — не единственный реальный факт, упоминаемый в сатире: автор, как было указано выше, описывает и положение дел в Академии наук в 1738 году. Совершенно очевидно, что он сочувствовал людям, стремившимся к настоящей высокой науке и не находившим ее в Академии. При сопоставлении писем, находящихся в одном сборнике с сатирой, с соответствующим местом в самой сатире видно, что их авторы связаны общим настроением. Естественно предположить, что сатирик и выступил от лица этих людей, уже испытавших горечь разочарования от несоответствия действительного состояния Академии наук ее высокому назначению. Для нас этот реальный факт представляет несомненный интерес, так как позволяет сравнить позицию автора сатиры «К Солнцу» и позицию Кантемира по одному и тому же вопросу.

Касаясь этого места в сатире, исследователи единодушно признают, что здесь говорится об Академии наук. В частности, Н. С. Тихонравов так объясняет это место: с самого основания Академии наук Петром I пренебрегалось его правило обучать в Академии и представителей «славянского народа». Поскольку против подобных не порядков боролся М. В. Ломоносов, делается вывод, что «и Кантемир глубоко возмущался этим».²⁰ Совершенно такой же комментарий дан и в последнем издании Кантемира. Э. И. Гершкович, сравнив позицию Кантемира с борьбой Ломоносова против засилия иностранных ученых, пересказывает отрывок из сатиры «К Солнцу» в подтверждение своих слов.²¹

¹⁸ В. Н. Александренко. К биографии кн. А. Д. Кантемира. Варшава, 1896, стр. 7, 9 и др.

¹⁹ Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 187.

²⁰ А. Д. Кантемир. Собрание сочинений. т. I, стр. 184—185.

²¹ Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 460.

Ф. Я. Шолом на основании тех же стихов сатиры идет еще дальше. Он заявляет: «Просветитель Кантемир выступает не только против врагов науки, но и против ее негодных представителей в тогдашней Академии наук, иноземных ученых-шарлатанов, которые тормозили развитие отечественной науки... Вместе с тем Кантемир показывает стремление бедного трудового народа к науке, и тут мы видим благородное отношение писателя к честным людям труда».²² Этот вывод явно ошибочен и никак не следует из сатиры, поэтому на его анализе нет необходимости останавливаться. Подобные высказывания показывают лишь, как неверно анализировать сатиру «К Солнцу», не решив вопроса об ее авторе и не сравнивая ее с остальным творчеством Кантемира, в особенности, когда это касается вопросов, серьезно занимавших писателя. Именно таким является вопрос об отношении Кантемира к Академии наук.

И Н. С. Тихонравов, и Э. И. Гершкович ссылаются на вводную статью к «Ученым запискам Имп. Академии Наук по первому и третьему отделениям», т. I, вып. I (СПб., 1852). Между тем именно отсюда можно заключить, как расходятся взгляды автора сатиры «К Солнцу» и Кантемира на Академию наук.

Автор статьи в «Ученых записках» академик А. А. Куник отмечает, что Кантемир не мог бы сказать о себе, будто он получил недостаточное образование. Далее А. А. Куник обращает внимание на то, что «Разговоры о множестве миров» сатирик считал своим долгом преподнести «знаменитейшей Императорской Академии Наук... к приумножению е. в. славы, к пользе пространная России и всего человеческого рода цветущей, в знак своего благодарства за полученное от ея мудрых членов воспитание и наставление».²³

А. А. Куник подчеркивает, что с 1728 года Академия переживала очень трудное время в связи с переездом ее президента в Москву. Делались даже попытки закрыть ее, и начальнику канцелярии пришлось доказывать полезность Академии наук.²⁴ Затем автор статьи в «Ученых записках» высказывает предположение, что и I сатира «На хулящих учение» возникла как попытка оградить Академию от противников просвещения.²⁵ Эта мысль не лишена оснований: при Петре II Академия находилась в особенно бедственном положении, и это не могло не волновать Кантемира,

²² Ф. Я. Шолом. Русско-украинские связи в области общественно-политической поэзии XVIII века. Наукові записки Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка, т. XI, вып. IX. «Філологічний збірник», 1952, № 4, стр. 144—145.

²³ «Ученые записки имп. Академии Наук по первому и третьему отделениям», т. I, вып. I, СПб., 1852, стр. XX.

²⁴ Там же, стр. XXXVI.

²⁵ Там же, стр. XXXVII.

интересы которого были теснейшим образом связаны с ней. Среди членов ее авторитет Кантемира был очень высок. В некрологе акад. Майеру акад. Бильфингер говорил: «К его непреходящей славе служит то, что он имел счастье и талант так обучить математике... Антиоха Кантемира, что он сможет в предстоящей поездке во Францию поддержать славу знатнейшего русского дворянства перед высшей школой наук в Париже».²⁶

Так обстояло дело до отъезда Кантемира за границу. Он хорошо знал, что в России враги просвещения используют любой повод для борьбы с распространением наук. Тем невозможнее допустить, что Кантемир в 1738 году сделал столь резкий выпад против Академии наук даже из самых патриотических побуждений. Из переписки Кантемира с академиками из Лондона и Парижа видно, что и вдали от Академии он был хорошо осведомлен о ее научных делах и высоко оценивал их. Известно также, что он выполнял поручения Академии. Заветной мечтой Кантемира было стать президентом ее, чтобы целиком посвятить себя науке, в которую он безгранично верил. Поэтому нам представляется совершенно невозможным, чтобы Кантемир сказал, будто в Академии наук можно найти лишь «комплименты».

Нельзя согласиться и с тем, что Кантемир боролся против засилия иностранных ученых. Следует помнить, что они были тогда необходимы, что русских ученых еще не было и деятельность академиков-иностранцев вообще была крайне полезна для будущей русской науки, что многие из них были учителями Кантемира, а потом и соратниками в борьбе за общее дело просвещения в России. «Шарлатанами» для Кантемира они не были, как и не были в действительности.

Таким образом, нет ни одного бесспорного доказательства, подтверждающего принадлежность сатиры перу Кантемира, а сомнений много. Версия об авторстве Кантемира держится на безусловном доверии к неизвестному переписчику, поставившему сатиру «К Солнцу» рядом с кантемировскими произведениями.

Для окончательного ответа на вопрос об авторе этой сатиры нужно ответить и на такие вопросы: можно ли совместить идеологическую концепцию зрелого Кантемира с направленностью сатиры «К Солнцу»; как объяснить появление темы раскола в творчестве сатирика 1738 года; как соотносится новая сатира с другими сатирами Кантемира?

Обосновывая свою точку зрения на сатиру «На состояние света сего. К Солнцу» как кантемировскую, З. И. Гершкович, как уже указывалось, опирается на упоминание О. Гуаско о намерении

²⁶ М. И. Радовский. Антиох Кантемир и Петербургская академия наук. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 19.

поэта создать сатиру, где должны были отразиться его собственные взгляды на философию, в противоположность мнимой философии и мнимым философам. Поэтому каждый персонаж сатиры, по мнению исследователя, не просто «носитель соответствующих пороков», а «ложномудрствующий представитель злых нравов», т. е. мнимый философ. И вот вывод: «Философия Кантемира, одной из главных особенностей которой была морально-этическая направленность, здесь выражена достаточно рельефно».²⁷

Мы увидим, однако, что основная тема «девятой» сатиры — не состояние философии того времени и противопоставление ей истинной философии, как понимал ее Кантемир, а состояние общества, всесторонне рассмотренного в его настоящем виде, что идейная позиция автора сатиры «К Солнцу» резко отличается от философской концепции Кантемира.

Автор «Изъяснения» остро определяет тему сатиры: он намерен показать Солнцу, которому отводит роль высшего судьи, что «если бы оно было в чувствах, то, по человеческой напротивно их себе злобы, должно бы ему, конечно, своим сиянием, на наши всезлейшие и противнейшие дела смотря, перемниться, понеже так весь свет наполнен гнусными действиями, что богу мерзкий и противный властям, неверный и хищный, да сверх того и самому себе вредный...».²⁸

Перед Солнцем должен предстать весь свет, все дела, несправедливо совершающиеся в нем, под углом зрения «чести к богу». Ее в свете нет, а есть масса суеверий. В сатире представлены конкретные носители суеверия. Очень подробно характеризует автор раскольника, безграмотного «сошника», который считает себя вправе вмешиваться в богословские дела, защищать старую веру от дьявольских прелестей в виде париков, манжет, брадобрития. Но особенное неудовольствие вызывает у него распространение библии:

Ой, нет, надо библии отбегать как можно,
Бо, зачитавшись в ней, пропадешь безбожно.²⁹

Слепая защита старого, «правого» предания отцов, нежелание ни в какой форме принять новое выражается и в фантастически отсталом представлении о строении Вселенной, о Земле, держащейся на спинах четырех китов. Автор подробно комментирует речь «сошника» и не может сдерживать возмущения по поводу того, что «всегда такие безумные головы и о великих вещах рассуждать смеют, а наипаче где что не по-старому делается». Однако самое беспощадное осуждение со стороны автора вызывает выступление

²⁷ З. И. Гершкович. Проблема «девятой» сатиры, стр. 58.

²⁸ Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 186.

²⁹ Там же, стр. 182.

этого хранителя старины против святой библии, так как осмеиваемый им персонаж подтверждает свою правоту недавним сожжением отступника от православной веры и хулителя Христа: по мнению «сошника», причиной такого падения было чтение библии. Автора глубоко волнует, что «бездельные тетрадки глупых дьячков мужики лучше почитают, чем святое что». Он негодует, что до сих пор празднуется богомерзкий праздник Семик, который остался от языческих времен и на котором поются «бесовские песни».

Комментарии автора позволяют судить об его отношении к высмеиваемым персонажам: критика их ведется с позиций ортодоксального православия. По мнению автора, все, что «сошник плестъ безмозгло смеет», — вздор, и хотя «сошник» выступает с целой цепью доводов, недостойно применить к нему название философа. Невозможно согласиться, что этот персонаж — один из ученых, «претендующих на звание философов», о чем говорил О. Гуаско.

Гораздо большую опасность, чем «сошник», представляют «суеверцы», которые образуются в результате недостаточного учения. Они несут в сознание народа путаницу, подрывая авторитет истинной православной веры:

Кто ж опишет которы по грамоте бродят?
Те-то суеверие все в народе родят;
От сих безмозглых голов родятся расколы;
Всякий протонародный в них корень крамолы.

Эти идеологи раскольниковства своими «цвелыми» тетрадками распространяют в народе пьянство, проповедуя безгрешность его, учат «не в учениях церковных медлти, а на кабаках бесчинно шумети». В «угрюмой запальчивости» последователь Аввакума подтверждает свои слова ссылкой на историю, на то, что

Ведь и в небе обедни в часы отпевают,
А не весь день по-вашему, в молитвах трудятся;
Отпев час урочный там, с богом веселятся.

Иронически звучит сравнение самоуверенного раскольника с Аристотелем:

Сей-то муж в философии живет ненарушно;
Признают то пьяницы все единодушно;
Сей и Аристотелю не больно уступит,
Паче когда к мудрости вина кружку купит.

Никак нельзя принимать всерьез употребление сатириком слов «философ», «философствую» и так далее для доказательства того, что он намерен разоблачить своих противников-философов, как считает Э. И. Гершкович. Для Кантемира-философа, если он соби-

рался сталкивать в сатире разные мировоззрения, такие противники слишком мизерны и никакого отношения к философии вообще не имеют.

Между тем это обличение приобретает существенное значение, если рассматривать его на фоне тогдашней и близкой ей по времени обличительной литературы, которая боролась с суевериями, расколами и ересями всех мастей, шедших как от темных, безграмотных невежд, так и от тех, «которые по грамоте бродят».

Поражает сходство этой части сатиры со словами Ф. Прокоповича из вступления к «Истинному оправданию правоверных христиан»: «Невеждам... подобало бы, когда речь есть о тайнах богословских, самим бы не мешаться не в свое дело. Но противное видим: и особы ученые не так дерзновенно о церковных таинствах и догматах веры разглагольствовать обыкли, якоже слепые невежи многие. Дивная вещь: откуда бы им так безумная охота?». ³⁰ Такое же недоумение вызывает это распространенное явление и у автора сатиры: «Всегда такие безумные головы и о великих вещах рассуждать смеют, а наипаче где что не по-старому делается». ³¹

Феофан пишет: «Как же книжник невежливый, который некие только тетради, от подобных ему невеж сочиненные видел, может входить в дела богословские и произносить свои о таинствах веры изречения, ни ветхих, ни новых не имущий». ³² Ср. у автора сатиры: «Мужики глупые утверждают на том, что ереси происходят от тех, которые библию читают; а если спросишь его: что библия? — то он, никогда истины ее не ведаючи, скажет, что сказывано ему, будто какие тетрадки...». ³³

Однако больший гнев у Ф. Прокоповича направлен против тех невежд в богословии, которые стремятся присвоить себе звание учителей: «Но когда слогов книжных изучатся, помышляют, что уже все получили, и не осталось, что бы им еще познать подобало... Сколько до их рук приидет неких тетрадей, и то неискусно сошитых, по большей же части и смеха достойных, например, проповедей Аввакумовых, ... притворных откровений, чудесных ложных повестей, суетных неких преданий и прочих басней». ³⁴

Создается впечатление, будто в сатире пояснено конкретными примерами то, о чем говорил Ф. Прокопович. Достаточно вспомнить описание сатириком Семика, разглагольствования «сошника» о Земле, упоминание об Аввакуме, «цвелех тетрадах», «бездельных

³⁰ Ф. Прокопович. Истинное оправдание правоверных христиан. (К благочестивому читателю предисловие). СПб., 1724, стр. А—Аоб.

³¹ Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 187.

³² Ф. Прокопович. Истинное оправдание правоверных христиан, стр. Аоб.

³³ Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 187.

³⁴ П. Морозов. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880, стр. 292.

тетрадах глупых дьячков» и т. д., чтобы убедиться, как близко соприкасаются по теме эти два разные по жанру произведения.

Большой остроты достигает в сатире критика «пастырей христианских». Автор осуждает духовенство за то, что оно не знает глубокого внутреннего смысла религии, подменив его внешней стороной, обрядностью, пустым ее соблюдением. В церкви священник нем, когда нужно проповедовать заповеди божьи, зато в кабаке он говорит не умолкая:

Опишет он там кругом церковь всю восточну...
В-первых, как он искусен все совершать браки,
Сколько раз коло стола обводити знает
И какой стих за каждым ходом припевает.
То все это рассказав, станет поучати,
Как с честью его руку должно целовати.

Такое отношение к религии сурово обличал и Феофан в своих проповедях: «В попечениях житеских погрязше, ни о чем не помышляют, что к животу вечному ведати и содержати нужно; а однако христианским именем украшают себя, но именем токмо, а не делом. Ибо что видят христианам обычное, внешнее, то и сами они делают, но делают, как мартышки, внешний вид только христианства изображая на себе, а внутреннего, духовного отнюдь не имея».³⁵

Ответственность за чистоту христианской веры автор сатиры возлагает на духовенство, с него нужно брать пример простому народу. Однако своего прямого долга пастыри не исполняют, по их вине в простонародье распространяется «крамола». «Удивительная вещь, как (Россия?) этим несчастлива, что пастыри в ней больше к пьянству и суеверию, нежели к поучению и поощрению добродетельному людям угодны суть».³⁶ Не в состоянии они отстоять правоту христианской религии перед «верой бусурманской», напротив, православная вера скомпрометирована духовенством. «Много было и того в свете, что в прельщение простого народа претворяли чудеса из духовного чину, чем от иностранных народов и на истинные немало навели пороков богопротивные сии лестцы».³⁷

Таким образом, по мнению автора сатиры «К Солнцу», православие находилось в бедственном положении, ему угрожала опасность потонуть среди суеверий и расколов, и не было людей, способных вывести его из этого кризиса. Пастыри предались мирской суете, хлопочут о своем доходе, проклиная скупость прихожан. Сатирик со скорбью констатирует:

³⁵ А. Д. Кантемир, Собрание сочинений, т. I, стр. 12.

³⁶ Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 188.

³⁷ Там же.

Как же, на таких смотря, уж простолудины
К заблуждению себе не возьмут причины?

Так он включается в борьбу за истинное православие, которую начали еще гораздо раньше Димитрий Ростовский, Феофан Прокопович, Посошков, Стефан Яворский и др. Поэтому сатирик, намереваясь вскрыть «все зло света», прежде всего и подробнее всего описывает бездну суеверий, в которых тонет истинная православная вера. Противопоставить этому автор хочет подлинное благочестие, глубокое религиозное чувство, чуждое сомнениям и рассуждениям, бесконечное доверие к священному писанию. Он считает своим долгом, в частности, выступить за непрерываемость библии, которая попиралась невеждами.

Борьба против раскола и разного рода суеверий была исторически прогрессивна; однако противопоставление всему этому «истинного благочестия» было вовсе недостаточно. Против раскола и суеверий выступал и Кантемир, но в его руках было могучее оружие для борьбы с ними — распространение науки, которая, как он полагал, в состоянии укрепить и православную веру преодолением и искоренением ересей всякого рода. Здесь обнаруживается неизмеримое превосходство Кантемира над автором сатиры «К Солнцу», который придерживается охранительной, церковной тактики, а не наступательной в союзе с наукой. Поэтому не может казаться странным, что и автор сатиры «К Солнцу», и Кантемир, связанные общим именем Ф. Прокоповича, все же в решении одного и того же конкретного вопроса о борьбе за чистоту православия стоят на принципиально разных позициях, из которых кантемировская — гораздо более левая и просветительски-прогрессивная.

Сатира подводит читателя к горькому выводу: если мир так чудовищен и несправедлив, то человек имеет право жить в нем убегая правды, т. е. так, как живут все люди. Могут возразить, что эти слова понимать буквально нельзя. Если сатирик считал необходимым вмешаться в окружающую его жизнь с целью — показать людям всю глубину их падения, заставить их опомниться, то тогда пессимистический конец сатиры можно было бы не отождествлять с действительными взглядами ее автора, а воспринимать как сознательное доведение до абсурда ложной точки зрения осмеиваемых в сатире персонажей. Однако указанные стихи имеют примечания, в которых сам автор высказывает свой взгляд на причину такого состояния света. Почему «нельзя богу и свету вместе угодить», автор объясняет следующим образом: «Христос, Спаситель наш, сказал в Евангелии: не можете работать богу и мамоне; а автор сей сатиры переменял, вместо „мамоны“ — „свету“ написал, которо все едину силу имеет; ибо мамона, по разумению

святых особ, дьявол толкуется, а дьявол со всем своим угодием и орудием противен богу; дела ж световые, которые от света, а не от бога, угодны диаволу, ибо диавол и свет, по диавольскому угождению, противен богу; итак, все злые дела света к диаволу, яко начальнику и корени тех, восписывать должно».³⁸

Так автор со своих позиций дает решение важного философского вопроса: в чем причина злонравия. И то, что он видит эту причину в приверженности людей дьяволу, во всесии дьявола, позволяет заключить, что критикует он неблагополучие света с подчеркнуто клерикальных, а не научных, просветительских позиций.

А каковы были взгляды Кантемира на причины общественного неблагополучия? К решению этой важнейшей для него проблемы сатирик подошел не сразу, но все время искал его. От этого зависело признание Кантемиром необходимости сатирического творчества. С этим связывались и сомнения Кантемира: можно ли сатирой «излечить» злонравных, нужна ли сатира вообще?

Этот вопрос встал перед Кантемиром еще в русский период его творчества.

Интересна в этом отношении V сатира, последняя из написанных им в России. В ней есть любопытное примечание. Говоря о склонности к злу, присущей человеку с детства, Кантемир ссылается на Феофана Прокоповича: «Преосвященный Новгородский в предисловии своем на книжицу под титулом „Первого учения отроком,“ говоря о человеке, пишет: трудно тому не быть злу, который и родился зол, а потом слово свое подтверждает священным писанием, приводя текст сей: все помышление его на зло от юности его».³⁹ Своего собственного отношения к изложенному взгляду Прокоповича Кантемир не показывает.

Казалось бы, вся сатира, где автор «тщится показать, что не только он (человек) глупее всех скотов, но еще злее всех зверей и дичее всякого уroda, которого бы ум вымыслить мог»,⁴⁰ ставит своей целью подтвердить мысль Прокоповича о человеке, которому зло свойственно «по природе». Конец же сатиры представляет собой совершенный уход от ответа на вопрос: откуда происходит зло в человеке. Кантемир остроумно решил обезопасить себя от возможных обвинений церковников в том, что «тварь изыщну, чудну, несказанну, наподобие творца премудро созданну, так охулить дерзнуло перо неучтиво».⁴¹ И он иронически благонамеренно излагает библейский рассказ о грехопадении Адама и Евы.

³⁸ Там же, стр. 189.

³⁹ А. Д. Кантемир, Собрание сочинений, т. I, стр. 276.

⁴⁰ Там же, стр. 268.

⁴¹ Кантемир, Собрание стихотворений, стр. 405.

Совершенно ясно, что серьезно видеть в грехопадении прародителей источник злых страстей у современных людей просветитель Кантемир не мог. К тому же сатирик не осуждает стремления первых людей вкусить запрещенный плод, чтобы получить знание и быть «как лицом, так и умом» равными богу, т. е. признает, что ими руководило не праздное любопытство, а жажда все познать.

Таким образом, ответа на вопрос о причинах зла Кантемир не находит, не присоединяется он и к мнению Ф. Прокоповича на этот счет. Оно его явно не удовлетворяет. Не случайно, обращаясь к Феофану, Кантемир спрашивает:

Скажи мне (ты бо можешь!): всем всякого рода
 Людям давши тело то ж и в нем дух, природа
 Как страстями столь различны сердца их исполни,
 Их же власть преодолеть никак же вольны? ⁴²

Насколько важным было для сатирика решение этого вопроса, показывает переработка им в 1737 году в Англии V сатиры, — по существу, создание совершенно нового произведения. Темой становится положение поэта-сатирика в обществе, значение его творчества в исправлении общественных пороков. В сатире показаны два типа стихотворцев в образах Сатира и Перьерга.

Сатир — поборник правды и борец с несправедливостью. Для него жизнь с людьми, которые «с правдой не в дружбе», стала несносной. Он уходит в лес с горьким убеждением, что «к исправлению людей» мала его сила: «исправит горбатых могила».

Однако Кантемир видит и другой возможный путь для писателя — путь стихотворца Перьерга. На скептическое заявление Сатира, что все люди одинаково злы и порочны, и потому он утратил всякую веру в возможность их исправления, Перьерг возражает:

Я сам знаю, что весьма в нашем роде плодны
 Недостатки, и много есть, чего гнушаться;
 Люблю ж добрых, а злых тшусь людей удаляться. ⁴³

Перьерг сохраняет надежду, что в будущем можно будет побороть злонравие; для этого он просит Сатира рассказать ему о всем том, что есть недостойного у людей:

... речь твою к исправленью нраву
 Людей позднему предать потомству потшуся. ⁴⁴

В Кантемире как бы соединяются эти два поэтических подхода: он готов бороться за справедливость, не допуская компромиссов,

⁴² Там же, стр. 378.

⁴³ Там же, стр. 120.

⁴⁴ Там же, стр. 123.

но он живет в обществе, где многое достойно обличения, и часто тяготится своим положением.

В той же V сатире Кантемир высказывает устами Сатира мысль большой принципиальной важности:

Слезы, сожаление, хотя б непритворны, —
К исправлению людей средства не проворны.
Противиться должен злу, отнять всю причину
И корень самый иссечь, кто того кончину
Видеть хочет, — без того весь свой труд погубит.
Вино должен перевести, кто пьяных не любит!⁴⁵

В рассматриваемой нами V сатире есть еще одно важное примечание, в котором Кантемир непосредственно указывает на источники разного поведения людей: «Всегда мое мнение было, что воспитание есть от *большой части* причина всех наших нравов. Гораций изрядно говорит, что чем новый горшок нальешь, долго пахнуть будет».⁴⁶

Теперь поэт снимает это ограничение. Он полностью относит «причину нравов» к воспитанию; к этому привели его новые взгляды, сложившиеся ко времени создания второй редакции V сатиры.

Однако высшим достижением кантемировской мысли явилась созданная им в 1739 году сатира «О воспитании». Значение ее для самого сатирика было огромным. Если к 1737 году ему была известна причина нравов — воспитание, — то теперь оно же признается и средством борьбы со злонравием. Кантемир уже не ставит вопроса, от природы ли в людях страсти. В VII сатире он, не колеблясь, называет ошибочным утверждение, что власть природы «одолееть не можно».⁴⁷

«Главная причина злых и добрых наших дел — воспитание», — заявляет Кантемир, и потому из каждого ребенка можно вырастить гражданина, любящего отечество и полезного обществу.

Главнo воспитания в том состоит дело,
Чтоб сердце, страсти изгнав, младенчее зрело
В добрых нравах утвердить, чтоб чрез то полезен
Сын твой был отечеству, меж людьми любезен
И всегда желателен, — к тому все науки
Концу и искусства все должны подать руки.⁴⁸

В русской литературе первой половины XVIII века эти мысли были открытием: сатирик показывал реальный и доступный, как

⁴⁵ Там же, стр. 127.

⁴⁶ Там же, стр. 139. Курсив мой. — Л. М.

⁴⁷ Там же, стр. 158.

⁴⁸ Там же, стр. 159.

ему казалось, путь искоренения зла, он трезво смотрел на вещи, а не фанатически защищал мысль, будто виновником зла в мире является дьявол, противостоять которому может лишь глубокая религиозность, и будто других путей борьбы со злом нет. Но именно такой беспомощностью и сознанием совершенной невозможности изменить что-либо в пагубном и греховном мире веет от сатиры «К Солнцу». Из этого видно, как далеко отстал ее автор в 1738 году от Кантемира того же времени, как противоположны и несовместимы их взгляды на один и тот же вопрос в одно и то же время. Даже еще в 1730—1731 годы, находясь в России и не находя ответа на вопрос, но постоянно размышляя о нем, Кантемир не мог удовлетвориться чисто религиозным объяснением (см. V сатиру первой редакции). Тем более невозможно было подобное объяснение в 1738 году, когда ответ был найден.

Нельзя также включать сатиру «К Солнцу» в творчество Кантемира между VI и VII сатирами, настолько чужда она этим произведениям как по теме, так и по идейной направленности. Еще можно было бы сомневаться, не написал ли Кантемир сатиру «К Солнцу» перед отъездом за границу, когда ему было особенно трудно, как он сам признавался в предисловии к V сатире первой редакции. Эта последняя сатира очень мрачна, написана в большом раздражении, автор не знал, где найти причину зла. Это время жизни Кантемира мало изучено. Однако необходимо помнить, что, по признанию самого поэта, перед отъездом из России он написал только пять сатир; вместе с тем З. И. Гершкович убедительно доказал, что сатира «К Солнцу» написана в 1738 году, т. е. тогда, когда Кантемир не мог ее написать, как это видно из анализа его заграничных сатир.

В своей статье «Проблема „девятой“ сатиры» З. И. Гершкович абсолютно прав, выступая против обычной тенденции представить творческий путь Кантемира как постепенный отказ от острых злободневных обличений общественных пороков, а потому и как понижение художественной ценности вновь создаваемых сатир. Однако свой вывод З. И. Гершкович делает на основе сравнения I сатиры Кантемира и сатиры «К Солнцу», принадлежность которой писателю окончательно не установлена: «Сравнивая эти произведения, можно наиболее конкретно решить вопрос, имел ли вообще место тот пресловутый спад обличительного пафоса Кантемира, то „снижение уровня его политической мысли“, о котором доньше твердят почти все исследователи».⁴⁹

Дело в том, что определенные основания говорить об отличии «русских» и «заграничных» сатир у исследователей имелись. Невозможно отрицать, что новые, «заграничные» сатиры Кантемира

⁴⁹ З. И. Гершкович. Проблема «девятой» сатиры, стр. 64.

иначе решают этические проблемы, чем первые пять «русских». Однако анализ вновь созданных сатир и переработанных ранних опровергает утверждения об идейном и художественном «спаде» Кантемира. Раздумья над ролью воспитания, над назначением литературы и сатиры, в частности, имели не отвлеченный характер, они помогали Кантемиру определить свое место в общественной жизни, увидеть в поэтической деятельности свою гражданскую обязанность. Какое живое и плодотворное значение имели для него эти размышления, показывает общий вывод писателя, что можно предотвратить появление «злых нравов» воспитанием и наукой. Переработка «русских» сатир убедительно доказывает высокий рост художественного мастерства сатирика.

Однако этим не ограничиваются наши возражения на статью З. И. Гершковича. Сравнение двух сатир сделано им бегло, внешне и не может убедить читателя в том, что «сатиры эти связаны между собой внутренней преемственностью общего замысла», что «это не просто произведения, написанные на сходную тему и в сходном духе, но два произведения, из которых позднейшее (IX сатира) является органическим продолжением и развитием предшествующего (I сатиры)».⁵⁰

Чтобы обосновать свое утверждение, З. И. Гершкович сопоставляет похожие места из обеих сатир. Так, он полагает, что образ «безмозглого сошника» развит из следующих строк и примечаний к ним I сатиры:

Ереси и расколы науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
В безбожие приходит, кто над книгой тает, —
Говорит тот, кто и сам мало бога знает.⁵¹

Но исследователь упускает из виду, что при переработке I сатиры эти стихи перешли в характеристику Критона, с церковных позиций выступающего против науки, что именно в этом сатирик видел его опасность. Здесь Кантемир использует возможность высказать свое отношение к подлинной причине расколов и ересей. Он отводит упрек науке, будто она порождает безбожие, следующими словами: «Обыкновенное невежд мнение есть, что все, которые многому книг чтению вдаются, напоследок не признают бога. Весьма то ложно, понеже сколько кто величество и изрядный порядок твари познает, что удобнее из книг бывает, столько больше чтить творца природным смыслом убеждается».⁵² Так, мнимой религиозности противопоставлена деистическая вера в разумного

⁵⁰ Там же, стр. 61.

⁵¹ Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 362.

⁵² Там же, стр. 63.

творца мира, вера, к которой человек приходит через науку, через постижение свойств вещей окружающего мира. По мнению Кантемира, такая деистическая религия в единстве с наукой может преодолеть расколы и ереси, которые большей частью рождаются в невежественных кругах общества.

И хотя автор сатиры «К Солнцу» усматривает причину суеверий среди народа в его темноте, грубости, невежестве, но понимает он это в совершенно ином смысле, чем Кантемир. Невежество для автора «девятой» сатиры — синоним неверия, как отметила С. В. Калачева в своей диссертации, следствие недостатка религиозного чувства, отсутствия веры без сомнений, непочитания святой библии.

Если признать Кантемира автором сатиры «К Солнцу», то получается странная вещь: приблизительно одновременно, перерабатывая старую V сатиру и создавая «девятую», он об одних и тех же вещах высказывает совершенно противоположные взгляды.

Ошибочно также утверждение З. И. Гершковича, что «образ раскольника помогает сатирику опровергнуть распространявшееся обскурантами мнение, будто науки являются причиной раскола, мнение, которое имело целью скомпрометировать просвещение в глазах современников Кантемира».⁵³ «Сошник» обвиняется автором сатиры в том, что «такая безмозглая голова» смеет лезть в богословские дела, обсуждать церковные уставы, возводить хуления на священное писание. Темному и невежественному представлению его о строении Вселенной сатирик не противопоставляет научного взгляда на мир. Кантемир же в I сатире на заявление Сильвана, что незачем из-за любопытства лишаться покою, «ища, солнце ль движется или мы с землею», — возражает отрывком из собственного перевода «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля, где изложена суть систем Птолемея и Коперника. Так построена вся сатира: Кантемир доказывает полезность каждой науки, которую грубо отрицают ее враги.

З. И. Гершкович считает, что в сатире к «Солнцу» отстаиваются взгляды Коперника, хотя нам трудно узнать, сторонником какой системы строения мира был ее автор, так как он воздерживается от высказывания своей точки зрения, осуждая лишь фантазию «сошника» о четырех китах. Совершенно очевидно, что в этом смысле «девятая» сатира не продолжает первую, как думает З. И. Гершкович.

«Углублением и развитием мотивов, намеченных в I сатире», считает он и образ пастыря, с его «корыстолюбием, пьянством, невежеством и суеверием». На это можно возразить тем, что мотив разоблачения церковников присутствует почти в каждой сатире

⁵³ З. И. Гершкович. Проблема «девятой» сатиры, стр. 62.

Кантемира, что представители «непросвещенного» духовенства были его всегдашними врагами. Да и в литературе того времени забвение духовными лицами требований проповедуемого ими долга, их стремление получать все больший доход от своих приходов вызывали резкое осуждение. Достаточно вспомнить примеры из рукописных сборников, которые приводит Ф. Я. Шолом.⁵⁴ Как видно, этот вопрос был очень наболевшим, и возводить образ пьяницы-священника к одной лишь I сатире Кантемира прямых оснований нет.

Итак, нам представляется необоснованным вывод З. И. Гершковича о том, что сатира «К Солнцу» написана Кантемиром, что «она и его I сатира являются наиболее значительными в социально-политическом отношении произведениями, представляющими лучшие достижения Кантемира соответственно в „русский“ и „заграничный“ периоды его сатирической деятельности».⁵⁵

В первой части своей статьи З. И. Гершкович не смог убедительно доказать принадлежность сатиры «К Солнцу» Кантемиру. Во второй части идейный анализ строится им на привнесении в «девятую» сатиру кантемировских взглядов, на стремлении видеть в ней желаемое, а не то, что есть в ней в действительности. Независимо от того, принадлежит сатира «К Солнцу» Кантемиру или другому лицу, нет оснований считать ее «бесспорно одной из самых острых в социальном отношении». Ведь создатель сатиры совершенно откровенно стоит на охранительных позициях, и основой благополучия в мире для него является глубокое религиозное чувство народа.

Новые разыскания могут дать материал для окончательного решения проблемы так называемой «девятой» сатиры.

⁵⁴ Ф. Я. Шолом. Русско-украинские связи в области общественно-политической поэзии XVIII века, стр. 125—151.

⁵⁵ З. И. Гершкович. Проблема «девятой» сатиры, стр. 64.